

Исследование рукописных объявлений XVIII в. на основе формулярно-клаузуального анализа показало, что жанрообразующими признаками текстов делового содержания являются: целеустановка, самоназвание, образ адресанта и адресата, формальная организация, перформативные глаголы.

Рукописный жанр объявления в XVIII веке был представлен широко: от «объявительных указов» и строгих документов, различных по тематике и формуляру, до объявлений, содержащих одновременно черты рекламы и документа. Структурно-семантический синкретизм (многозначность перформативных глаголов, которые могут обслуживать и другие жанры, многоплановая тематика, наличие собственного формуляра) дает стимул эволюции жанра объявления. Эволюция жанра объявления заключалась в изменении основной функции – от информирующей к волонтерской, в увеличении разновидностей (видов), в переходе от строгой стандартизации и формализации к большей свободе оформления и целенаправленности.

Для того чтобы понять феномен современной рекламы необходимо проследить тенденции процесса эволюции объявления в XIX – XX вв. и доказать, что спецификой печатных объявлений, выросших из рукописных объявлений-документов XVIII в., становится динамика жанра как его разветвление (например, объявление – развернутое рекламное обращение – «житийская история» и др.).

Источники и литература

1. Курганская старина: материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья. Вып. 1-3. – Курган, 1999 – 2006.
2. Лингвистическое краеведение на Южном Урале: материалы к истории языка деловой письменности XVIII вв. Ч.1-2 / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. – Челябинск, 2001.
3. Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762 – 1796 гг.: в 3 кн. Кн. II. – Тюмень, 2002.

Примечания

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 06-04-85402 а/У

Мирошниченко М. В., Бигунова Н. А., Тер-Григорян М. Г. СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ЕДИНИЦ МЫШЛЕНИЯ И ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ПОРОЖДЕНИЯ ЗВУЧАЩЕГО ДИСКУРСА

В последние годы прошлого столетия и начала настоящего отмечен возрастающий интерес филологов и философов к взаимодействию единиц мышления и языка в процессе порождения речи. Опубликовано значительное количество работ в нашей стране, а также в ближнем и дальнем зарубежье. Об общности интересов философии и лингвистики в области семантики пишет Р. Л. Траск [11, с.25], подчеркивая мысль о том, что проблема соотношения языка и сознания пока окончательно не решена. При этом автор обращает внимание на то, что над этой проблемой работали такие крупные ученые – англичане, как Бертран Рассел, Дональд Дэвидсон, Дж. Остин; американцы Ричард Монтегю, Джеролд Кау, Джерри Фодор и многие другие [там же, с. 230]. В сборнике статей под общим названием «Язык и концептуализация» процесс концептуализации предлагается решить путем изучения систем речевого поведения [10, с. 50]. Ближе подошли к решению проблемы российские и украинские ученые, опубликовав в последние годы ряд работ, в которых авторы показывают, какими средствами языка происходит реализация концептов в речи [7], [8], [9], [3].

Частичное решение упомянутой проблемы представлено авторами данного исследования. Оно направлено на поиск средств, которые приводят к образованию определенных значений в звучащей неподготовленной речи путем взаимодействия трех уровней речи – лексики, синтаксиса и фонологии.

Объектом наблюдения явились два вида устного дискурса – повествовательный и описательный. Предметом изучения были определены концепт времени в повествовании и концепт оценки – в описании. Само изучение касалось объема и природы концепта, его соотносительность с другими единицами мышления (представлениями, понятиями, фреймами, семантическими и функциональными полями, значениями), а также соотносительность с разными единицами языка и речи, реализовавших упомянутые концепты в двух видах дискурса.

В качестве единиц лексического уровня повествовательного дискурса изучению подлежала темпоральная лексика, представленная различными частями речи. На синтаксическом уровне изучались синтагмы, в которые эта лексика входила или самостоятельно их образывала.

Синтагмы в данной работе рассматриваются как минимальные или максимальные интонационно оформленные единства в виде единичных лексем, словосочетаний, а также самостоятельных предложений, простых и сложных. На фонологическом уровне синтагма обязательно выделена паузационно и интонационно оформлена. В формировании ее интонационного рисунка участвуют такие просодические средства, как частота звука, его длительность и сила, диапазон голоса и направление тона. В реальном звучании все перечисленные уровневые единицы являются потенциальными актуализаторами концепта времени.

Аналогичные приемы анализа применялись и в отношении изучения путей реализации концепта оценки в описательном дискурсе.

Анализ темпоральных единиц нарративного дискурса и оценочных единиц описательного дискурса на лексическом и синтаксическом уровне производился с учетом идей и положений функциональной грамматики. Суть их состоит в том, что все языковые системы и подсистемы функционируют и развиваются не в вакууме, а в определенных разновидностях языковых окружений, которые автор функциональной грамматики русского языка А. В. Бондарко называет **средой** [4, с. 15]. Так, например, свойства грамматической категории могут быть поняты, если будут раскрыты ее отношения к лексическим значениям слов, к лексико-грамматическим разрядам, к другим грамматическим категориям слова и синтаксическим конструкциям, с которыми связана категория, а также отношением к элементам окружающего контекста речевой ситуации.

Эти идеи и положения привели авторов данной статьи к мысли о целесообразности распределения изучаемых единиц по функционально-семантическим полям, которые аккумулируют слова, словосочетания и предложения, представляющие собой темпоральные или оценочные синтагмы.

Реализованными темпоральными полями в наших нарративных дискурсах явились поля **последовательности, предшествования, одновременности, протяженности, кратности/однократности** и **временной локализованности**. Новым явилось введение в состав поля фонологического уровня.

В основу определения семантики полей времени была положена темпоральная лексика синтагмы. Так, например, ядром ФСП протяженности является грамматическая форма прошедшего длительного времени, наречия длительности “lately, recently, long, slowly, ” и словосочетания типа “all night”, “months and months”, “in those days”, выполняющие функцию обстоятельств времени или образа действия. К периферии относятся глаголы “to last, to continue”, глагольные сочетания “kept telling”, “recollected him telling”, существительное “time” и прилагательные “long”, “slow”.

Показатели грамматических форм времени и наборы лексических единиц у всех полей разные.

Семантика полей оценки определялась значением **основания** оценки, одного из элементов триады оценочного образования – **основания** оценки, **субъекта** оценки и **объекта** оценки.

В оценочном построении постоянным элементом является основание оценки. Знак объекта оценки может быть эллипсирован. Представление субъекта вариабельно: он может наличествовать в роли подлежащего или второстепенного члена фразы, содержащей оценку, а также может присутствовать в контексте, выходящем за пределы фразы.

Результаты электро-акустического эксперимента позволяют заключить, что вне зависимости от количества слов, входящих в ту или иную темпоральную синтагму, и места данной синтагмы в предложении она становится семантическим центром высказывания, характеризующимся в большинстве случаев максимальными значениями частоты основного тона (70% случаев) и интенсивности (68% случаев), значительным замедлением темпа речи при выражении долго длящегося действия и ускорением темпа при выражении быстро протекающего действия [3].

Сопоставление просодических характеристик синтагм, формирующих поля времени, выявило определенное равновесие в распределении просодической маркированности темпоративов: если, например, поле характеризуется самыми высокими частотными значениями, то силовые и временные показатели данного поля будут ниже, чем в синтагмах других полей.

Среднеслоговая длительность, обуславливающая темп речи, в материале исследования составляет 226 мс как у мужчин, так и у женщин. В темпоральных же синтагмах рассматриваемых полей наблюдается значительное замедление темпа речи. Длительность ударных слогов в этих синтагмах была как минимум 287 мс у мужчин (ФСП временной локализованности) и 303 мс у женщин (ФСП последовательности) и как максимум 368 мс у мужчин и 450 мс у женщин в ФСП кратности/однократности. Следовательно, можно говорить о значительном замедлении темпа речи в темпоральных синтагмах всех полей времени. Исключение составляют лишь те синтагмы ФСП протяженности, которые реализуют значение быстроты протекания действия. В таком случае наблюдается некоторое ускорение темпа: у мужчин средняя длительность слога темпоратива, выражающего быстрое действие, составляет 212 мс, а у женщин 205 мс.

Исследование изменения величины диапазона частоты основного тона фраз нарративного дискурса позволяет сделать вывод о тесной связи величины частотного диапазона с концептом времени. Темпоральные синтагмы, составляющие различные поля времени в материале исследования, характеризуются значительным расширением частотного диапазона. Усредненный показатель частотного диапазона мужских голосов в материале исследования составил 44 Гц, а диапазон женских голосов – 59 Гц. В темпоральных синтагмах наблюдается значительное его расширение: у мужчин от 72 Гц (в рамках ФСП кратности) до самого широкого – 120 Гц (в рамках ФСП одновременности), у женщин от 70 Гц (в рамках ФСП протяженности) до 125 Гц (в рамках ФСП одновременности и временной локализованности).

Анализ силовых характеристик темпоральных синтагм позволил констатировать небольшое, но стабильное увеличение силовых характеристик мужских и женских голосов в темпоральных синтагмах, реализующих все рассмотренные ФСП времени. У мужчин самые высокие значения зафиксированы в рамках ФСП протяженности (71 db), у женщин – в ФСП кратности / однократности (62 db) [3].

В описательных дискурсах были выделены ФСП **качественно-количественных, эмоциональных, гедонистических, личностных и интеллектуальных оценок**. Каждое поле характеризовалось своим собственным набором оснований и интенсификаторов оценок, своим соотношением ядра и периферии, синтагматикой оценок и особой фонологией оценочных построений. Так, например, в поле качественно-количественных оценок основания распределились по следующим семантическим группам: качество, размер, количество, возраст, цвет. В наборах интенсификаторов в этом поле преобладают максимайзеры и бустеры.

Фонология каждого поля также имеет свои особые качества. Результаты электро-акустического анализа обнаружили преобладание количественных показателей частотных, динамических и темпоральных характеристик оснований и интенсификаторов над показателями синтагм во всех исследованных полях оценки устного описательного дискурса.

Основания и интенсификаторы аксиологических построений исследованных функционально-семантических полей устного описательного дискурса отличаются высокими количественными значениями частоты основного тона, длительности и интенсивности по сравнению с усредненными показателями синтагм.

Количественные значения тонального диапазона женских голосов превышают показатели диапазона мужских голосов. Основания и интенсификаторы, обладающие превалирующими просодическими количественными показателями, являются средствами реализации концепта оценки исследованных описательных дискурсов.

Наблюдение над взаимодействием единиц мышления и языка в двух видах исследованных дискурсов позволяет предположить, что концепт как единица мышления является цельным неделимым образованием, имеющим постоянный объем. Производными от концепта являются понятия, представления, значения, фреймы, функционально-семантические поля. В отличие от концепта они подвержены расширению и суживанию. Любое изменение этих категорий осуществляется путем использования соответствующих сигналов и знаков, которыми являются единицы языка и речи, в том числе темпоральные и оценочные. В речи они номинируют некий признак, образуя конгломераты, объединенные сходным содержанием. Такими объединениями являются функционально-семантические поля. В отличие от концепта в их структуре наличествует как идеальная сторона, охватывающая определенное содержание, так и материальная сторона,

реализующая это содержание. Наличие обеих сторон составляет суть функционально-семантических полей. Концепт содержит в себе только идею.

Источники и литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
2. Арутюнова Н. Д. Вторичные истинностные оценки. Правильно / верно // Логический анализ языка. Ментальные действия. Рос. Акад. Наук. – М.: Наука, 1993. – С. 67-78.
3. Бигунова Н. А. Уровневое представление концепта времени в устном нарративном дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 2003. – 225 с.
4. Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1985. – № 1. – С. 13-23.
5. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. – М.: Наука, 1987. – 369 с.
6. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. Рос. Акад. Наук. – М.: Наука, 1994. – С. 49-59.
7. Жаботинская С. А. Концептуальная картина мира человека в контексте когнитивистики // Сознание как условие форм жизнедеятельности человека. – Алматы: Изд-во АГУ, 1996. – С. 48-69.
8. Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Концепты. Вып.2. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 3-14.
9. Полложин М. М., Венжинович Н. Ф. Концепт як базова когнітивна сутність // Мовні і концептуальні картини світу: Збірник наукових праць. – К., 2001, №5. – С. 182-184.
10. Language and conceptualization / ed. By Jan Nuyto, Eric Pederson. – Cambridge, 1999. – 281 p.
11. Trask, R.L. Key concepts in language and linguistics. – London; New York: Routledge, 1999. – 378 p.

Михайлишин У. І.

ВІДОБРАЖЕННЯ НАЇВНИХ КОСМОЛОГІЧНИХ УЯВЛЕНЬ ПРО ПРОСТІР І ЧАС У ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЯХ НІМЕЦЬКОЇ МОВИ

Постановка загальної проблеми і її зв'язок із науковими завданнями. Останнім часом актуальнішими стають дослідження, що розглядають культуру і фольклор у їх дієвій спадкоємності з живою національною мовою, мова при цьому підходить розуміється не як безлика система знаків, а як духовна активність людини, тісно пов'язана з її світорозумінням.

Постановка завдання. Мовна репрезентація категорій простору і часу ґрунтується на складному їх відображенні у людській свідомості, яка вбирає в себе як деякі власне наукові методи їх сприйняття і тлумачення, так і міфологічні космологічні уявлення про світ. У цілому наше дослідження має на меті виявити наївні космологічні уявлення про простір і час у фразеологічних одиницях (ФО) німецької мови.

Актуальність дослідження. Виявлення космологічних уявлень стародавньої людини про простір і час у внутрішній формі (ВФ) ФО та їх вплив на семантику та конотацію останніх є актуальним питанням сучасної лінгвістики, адже це дає змогу встановити кодування у мові найдавніших уявлень людини, простежити зв'язки фразеологічної системи німецької мови з внутрішнім досвідом суспільства.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Аналізуючи мовну концептуалізацію категорії простору, яка надто складно і суперечливо пояснюється й описується в дослідженнях з філософії, фізики, астрономії та інших наук, лінгвісти відзначають специфічний характер сприйняття й кодування просторових відношень у людській свідомості і в мові. Уявлення про простір і час є суттєво істотним і важливим фрагментом будь-якої картини світу, яка відображається кожною окремою мовою. Всередині єдиної картини світу існують різні моделі часу зі своїми складниками, властивостями, одиницями вимірювання. Якщо говорити про час людського життя, то й тут утворюються свої моделі, тому що „простір і час, що об'єктивно існують, – пише А. Я. Гуревич, – суб'єктивно переживаються й усвідомлюються людьми, причому в різних суспільствах, на різних стадіях суспільного розвитку, в різних верствах одного й того самого суспільства і навіть окремими індивідуумами ці категорії сприймаються і приймаються неоднаково” [4, с. 44]. Специфіку феномену простору влучно сформулював Ю. М. Лотман: „Просторова картина світу багатоплоскостна: вона включає в себе і міфологічний універсум, і наукове моделювання, і побутовий „здоровий глузд”. При цьому у звичайної людини ці (та ряд інших) пластів утворюють гетерогенну суміш, що функціонує як щось ціле. У результаті створюється складний, що знаходиться у постійному русі, семіотичний механізм” [6, с. 164]. Культурологічний підхід до проблеми простору у міфологічній культурі характеризує такі вчені, як К. Леві-Стросс, Б. Малиновський, К. Хюбнер, К. Г. Юнг, М. Еліаде, А. Я. Гуревич, Ф. Х. Кессіді, Л. Н. Коган та інші.

Завдання дослідження – виявлення наївних космологічних уявлень про простір і час у німецьких ФО, для досягнення якої здійснено аналіз цих уявлень і простежено зв'язок образної системи (внутрішньої форми) ФО із ними.

Наукові результати. Можна стверджувати, що одним із універсальних культурних кодів, „сіткою”, яку культура „накидає” на світ, репрезентуючи його категоризацію, структурування в мовній свідомості, у мові, є просторовий код. Адже описуючи з погляду міфологічного мислення проблеми часу, життя, взагалі будь-якого руху, ми так чи інакше зіштовхуємося з проблемою простору. Сама конструкція світопорядку так чи інакше мислиться на основі деякої просторової структури, що організовує всі інші її рівні. Внаслідок простір як такий істотно впливає на всі світові процеси, робить їх можливими. Простір як один із найважливіших елементів міфопоетичної архаїчної моделі світу осмислювався в її межах цілковито відмінно від того, як воно представляється сучасному людству під впливом наукових поглядів. В архаїчній моделі світу простір одухотворений і якісно різномірний. Він виникає через розгортання, поширення його зовні відносно до певного центру. Особливої уваги заслуговують випадки, коли різні (в ідеалі – всі) частини простору, що виникли, мають єдине джерело походження, зокрема, коли їм ставляться відповідно різні частини якого-небудь єдиного іншого образу (пор. міфи про походження частин космічного або земного простору із частин тіла першолюдини). Міфологовані об'єкти, що заповнюють простір, і його конструктивні елементи, вибудовують у межах спільного простору відповідний семантичний простір певної структури (семантичне обживання простору). У роботах багатьох дослідників (Бабаєвої А. В., Маковського М. М. Топорової Т. В. та ін.) зазначено, що структура зовнішнього (фізичного) світу традиційно в усіх культурах описується за допомогою серії просторових протиставлень: високий – низький, правий – лівий тощо. За допомогою бінарних опозицій людина прагне до спрощення і певної схематизації багатообразного світу і шляхом введення антиномій вона легше оперує уявленнями про навколишній світ. Першочерговою була нерозчленована у